

Покотыло Михаил Валерьевич

ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВОЙНОВИЧА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Статья раскрывает особенности трансформации различных жанров в творчестве В. Н. Войновича, при этом доминантой жанрового синкретизма выступают признаки негативной квазиутопии. Автор акцентирует внимание на том, что сатирические сказки, рассказы, повести и романы писателя составляют систему на основе реализации сатиры как смысло- и сюжетобразующего фактора, а также посредством актуализации символизации, метафоризации и аллегоризации повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М.: Правда, 1976. 350 с.
2. Большой немецко-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 680 с.
3. Братья Гримм. Детские и домашние сказки / пер. Г. Петников. Старый Оскол: Гермес, 1993. 462 с.
4. Братья Гримм. Сказки / пер. П. Полевой. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2010. 160 с.
5. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. Томск, 1982. 198 с.
6. Метлинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.: Академия исследования культуры, 2005. 237 с.
7. Сказки зарубежных писателей / пересказ Т. Габбе, А. Любарская. М.: Полиграфия, 1994. 480 с.
8. Bashow P. P. Die Malachitschulle / übertr. von Maximilian Schick. M.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. 309 S.

TRANSLATING FAIRY TALE

Perevyshina Irina Rashidovna, Ph. D. in Philology
Belgorod State National Research University
perevyshina@bsu.edu.ru

The author reveals the main approaches to fairy tale translation as literary artistic genre, considers the main algorithms for fairy tale translation, emphasizes the types of fairy tales: folk fairy tale and literary fairy tale; describes fairy tale functions, and pays special attention to the pre-translation (extralinguistic and linguistic) analysis of origin language fairy tale.

Key words and phrases: folk fairy tale; literary fairy tale; story based on poetic imagination; fairy tale and reality; educational goals; aesthetic functions; figurativeness of fairy tale; extralinguistic and linguistic pre-translation analysis.

УДК 82-313.2

Филологические науки

Статья раскрывает особенности трансформации различных жанров в творчестве В. Н. Войновича, при этом доминантой жанрового синкретизма выступают признаки негативной квазиутопии. Автор акцентирует внимание на том, что сатирические сказки, рассказы, повести и романы писателя составляют систему на основе реализации сатиры как смысло- и сюжетообразующего фактора, а также посредством актуализации символизации, метафоризации и аллегоризации повествования.

Ключевые слова и фразы: антиутопия; дистопия; жанровый синкретизм; квазиутопия; пародия; сатира; утопия.

Покотыло Михаил Валерьевич, к. филол. н.
Ростовский государственный университет путей сообщения
mihail.pokotylo @ yandex.ru

**ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВОЙНОВИЧА:
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ[©]**

Специфика современного литературного процесса сознается, прежде всего, в сфере поиска новых жанровых форм, которые могут возникать посредством взаимодействия наиболее актуальных жанровых признаков, фиксирующихся эстетической рецепцией и интерпретацией. Очевидно, что новые жанровые образования должны с наибольшей полнотой отражать аксиологический компонент наряду с другими, общезначимыми фрагментами художественного мира, воплощенными в конкретном произведении, художественном мире писателя, эстетической практике литературного направления. С наибольшей четкостью объединение и совмещение жанровых признаков отражено на уровнях художественного пространства и художественного времени в единстве функционирования хронотопа, системы персонажей, а также в особенностях реализации эстетической игры как смысло- и сюжетообразующего фактора художественного мира произведения и творчества писателя в целом. Мы полагаем, что все творчество В. Н. Войновича представляет собой целостный текст как совокупность художественных произведений, фундаментом которого является сатирическое осмысление советской действительности с выявлением причин и условий, способствовавших формированию и реализации утопической идеи построения коммунизма в отдельно взятой стране. Для реализации своих эстетических принципов писатель использовал различные жанровые формы. Общность проблематики, направления авторской интенции, эпического характера художественного мышления, а также типов художественного вымысла представляют собой основные факторы, детерминирующие возникновение жанрового синкретизма. Ирония, воплощаемая в художественном мире В. Н. Войновича в виде сатиры как одного из основных векторов развития мировоззрения писателя, находит своё адекватное отражение в символизации, метафоризации и аллегоризации повествования.

Доминанту процесса соединения различных жанров, характерного для произведений В. Н. Войновича, возможно выделить на основе признаков *негативной квазиутопии*, под которой понимаем *текст, лишь отчасти использующий антиутопические мотивы и приемы* [11]. Справедливо утверждение С. Г. Шишкиной о том, что «произведения, антиутопические мотивы в которых не являются доминирующими, а иногда намечены лишь штрихами, представляют значительный интерес в исследовании процессов становления жанра» [17, с. 149].

Уже в начале 1960-х годов в рассказе «Хочу быть честным» и повести «Два товарища» ощущается критическое осмысление советской действительности. Писатель правдиво описывает жизнь, которая его окружала, со всеми ее парадоксами и противоречиями, чем сразу же вызвал острую критику со стороны советского литературоведа М. С. Гуса, утверждавшего, что «*Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни как она есть*» [цит. по: 9]. В первых своих произведениях В. Войнович использует элементы иносказания, колоритные речевые характеристики героев для раскрытия внутреннего психологического конфликта. Стилеобразующим фактором произведений писателя с 1960-х годов становится ирония, позволяющая взглянуть на действительность «со стороны» и увидеть абсурдность жизни советского человека. Так, герой рассказа «Хочу быть честным» напоминает самого автора (не случайно повествование ведется от первого лица): он не противник системы, система не вызывает у него неприятия, но «желание быть честным», работать «почестному» на стройке противопоставляет его «коллективу». Самохин сталкивается с всеобщим непониманием, его поступок – отказ сдавать недостроенный дом – в глазах окружающих выглядит как «дурацкий». По мнению В. В. Авдониной, в рассказе «Хочу быть честным» В. Войнович начинает формирование, с последующим развитием в своем творчестве, концепции «особого героя, различные типы которого в своем конфликте с системой расположены от полного слияния с ней до противостояния и отторжения» [2, с. 144]. В своей статье В. В. Авдонин находит типологические черты у целого ряда героев В. Войновича – Самохина, Рахлина, Алтынника и Чонкина – и соотносит их с образом сказочного Ивана-дурака. По мнению исследователя, в произведениях писателя «сказочный дурак вписан в свою реальность, где действуют непреложные законы, следуя которым он идет к цели. Однако социальную систему, построенную на абсурде, невозможно победить: абсурдная реальность перехитрит хитреца, одурачит умника, ломает глупого упряма. И только дурак обнаруживает в себе достаточные жизненные силы для самоидентификации, оставаясь всегда и везде самим собой. С дураком ничего нельзя сделать, ни изменить, ни одурачить, потому что его жизнь непоколебимо покоится на природных инстинктах и здравом смысле» [Там же, с. 149].

Следует обратить внимание на тот факт, что традиционные жанры не удовлетворяли В. Войновича в плане реализации эстетических задач, что в конечном счете способствовало формированию жанрового синкретизма в его творчестве, целью которого становится критическое осмысление практического воплощения реализации коммунистической утопии в Советском Союзе. Не случайно в литературно-критической парадигме отсутствует единый подход в определении жанровой природы таких произведений писателя, как «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» и «Москва 2042» [10; 11], что, с нашей точки зрения, оказывает определенное влияние на восприятие и оценку.

Так, в романе о солдате Чонкине представлено *смешение и совмещение* жанровых признаков авантюрного романа и антиутопии. Помимо этого, в романе о Чонкине реализованы элементы эпических «низших» жанров – сказки, анекдота, которые постепенно усиливают свои позиции в структуре художественного произведения и приводят к неоднозначности восприятия романа при его первой публикации в СССР в конце 1980-х годов, когда в отечественном литературоведении мнения о романе «резко разошлись в диапазоне страстей от восторгов до негодования» [10, с. 129].

Деконструкция «советского мифа», осмысление событий отечественной истории, вписывающихся в хронологические рамки 1941-1956 гг., в смеховом аспекте в форме анекдота, рассмотрение истории государства через перипетии судеб главных героев, «похожих больше на дебилов и придурков» [13, с. 75-77], некоторыми читателями и критиками были восприняты как «эстрадное хихиканье и злоба» [7], как клевета на «армию первых месяцев тяжелейшей войны, ставшей болью нашего народа» [Там же], которую «нельзя забыть и простить» [Там же].

Безусловно, тема Великой Отечественной войны является сакральной темой для всего советского народа и России, а «ирония, гротеск, пародия, игравшие системообразующую роль в поэтике писателя, во многом деформировали привычные темы и образы» [2, с. 144], однако при оценке книги о солдате Чонкине необходимо обратить внимание на особенности и тенденции изображения войны в отечественной литературе конца XX – начала XXI века. В. В. Филиппов справедливо указывает на тот факт, что «современная русская проза о войне обладает большим диапазоном изображения исторических событий... на протяжении многих лет она дополнялась новыми документальными и художественными произведениями, и процесс воссоздания военного прошлого далеко не закончен... Тема Великой Отечественной войны вышла за рамки собственно военной темы, соединившись с темами общественно-политического, исторического, нравственно-философского порядка» [15]. В. В. Филиппов подчеркивает, что «в современном творческом освоении военной темы все более усиливается критический пафос. Он вызван, с одной стороны, изображением негативных эпизодов в советской истории, отдельных исторических фактов, а с другой – изображением недостатков тоталитарной, административно-бюрократической системы, приведших к массовым репрессиям» [Там же]. Критические тенденции советской действительности нашли отражение в романе о солдате Чонкине: «За внешней фантастичностью и абсурдностью художественного повествования скрывается реальная основа, те труднообъяснимые с точки зрения здравого смысла положения, которые имели место в действительности

тех лет и которые не получали отражения в литературе» [Там же]. С помощью иронии и актуализирующих её художественных приемов (гипербола, гротеск, пародия) Войнович решает главную задачу книги о солдате Чонкине – продемонстрировать утопичность самой идеи построения коммунизма в СССР через описание абсурдности советской жизни довоенной и военной поры, которая превращает «естественных людей» в деградировавших существ, уподобляющихся животным, а «оригинальный жанр “романа-анекдота” позволил автору в комической форме изобразить стереотипное и уродливое» [Там же], которое «в “серьезном жанре” вряд ли было бы позволительно: роль приказа «сверху» в поведении людей, бездумную исполнительность, собственное отношение к Сталину» [Там же].

В современном литературоведении отношение к оригинальному жанру романа-анекдота неоднозначное [8]. Особой критике жанр подвергнут Евгением Пономаревым, считающим авторское определение «романа-анекдота» абсурдным. Критик говорит о том, что использованное Войновичем «нанизывание анекдотов на одну сюжетную нить, прагматическая смеховая установка дает бурную реакцию и разрушает текст изнутри» [12]. Евгения Шеглова считает, что «В. Войновичу явно не дается большая форма... Повествование В. Войновича явно тяготеет к бесконечности: на стержень его нанизываются новые и новые сцены, так что понемногу он начинает утомлять своими длиннотами и делается даже не очень смешным» [18].

В. В. Авдонин полагает, что роман о солдате Чонкине «представляет собой сложную систему взаимодействующих элементов, каждый из которых разворачивается и реализуется в составе романного целого... Очевидно, что анекдотическое является системообразующим фактором романа. *Жанровая природа анекдота препятствует разворачиванию романа в монументальное эпическое полотно, но сам роман-анекдот – единственную в своем роде жанровую форму – можно считать состоявшимся*, и его противостояние абсурду, карнавальное осмеяние зла, развенчание мнимого величия и дутых величин, несомненно, останется значительным явлением современной русской литературы» (*курсив наш – М. П.*) [1, с. 163].

В романе-дистопии «Москва 2042» (1986) В. Войнович развенчивает «современную ему советскую действительность, показывает губительность развития в дальнейшем тоталитаризма под прикрытием мифа о коммунизме» [6, с. 35-36]. Цель романа – сформировать критическое отношение к утопической идее построения коммунизма в отдельно взятом государстве. Для реализации поставленной цели писатель использует возможности классического антиутопического романа (практически все исследователи считают, что Войнович опирался на традиции антиутопии, разработанные Замятиним, Оруэллом), романа-предупреждения, фантастики, анекдота и сатиры. Контаминация этих жанровых форм позволила писателю объединить в романе две константы художественного произведения – смешное и серьезное, – способствовала восстановлению целостной картины тоталитарного государства. Пристальное прочтение «Москвы 2042» даёт возможность убедиться в том, что писателем используются наработки и художественные приемы, реализованные в первых двух книгах о солдате Чонкине и произведениях 1960-х годов. Так, черты анекдотичности в романе-дистопии «дают возможность писателю представить в комическом виде разные стороны жизни: бытовую, историческую, политическую» [Там же, с. 37], использование приемов антиутопии (пародии и создание нового языка – «новояза») позволяет переосмыслить идеологические лозунги советского государства и подвергнуть критике культ личности, характеризующий в целом российский менталитет, фантастическое перемещение в «Москву 2042» «гипотетически отражает эксперимент социальный» [4, с. 227]. Использование фольклорных и мифологических элементов, традиционных сказочных мотивов и сюжетов в дистопии позволило В. Войновичу в полной мере выразить свои размышления о судьбе человека в тоталитарном государстве, представить в гротескно-абсурдной форме одновременно смешную и страшную, амбивалентную по своей сути, советскую действительность, раскрыть противоестественность «обюрокраченной» жизни тоталитарной системы и придало творчеству писателя яркий поэтический колорит. При этом следует отметить, что, «доводя до логического завершения развитие тех или иных тенденций, автор приходит к возникновению реальности абсурдной, гротескной, лишенной целесообразности и тем не менее до боли знакомой. И дело здесь не только в сатире на советскую действительность. Войнович касается вопросов, остающихся актуальными при любом общественном строе: об исторической активности народных масс, социальном лидерстве, отношении личности и государства» [Там же, с. 237-238].

В цикле «Сказки для взрослых» В. Н. Войновича, написанных в 1980-е годы, осуществлена *контаминация* жанровых признаков народной и литературной сказки, анекдота и антиутопии. Жанровый синкретизм определяется когнитивной моделью антиутопии, которая в сказках В. Войновича приобретает дополнительные признаки, превращаясь в негативную квазиутопию. Контаминация основана в целом на введении сказочного кода в повествование о советской действительности: цикл сказок отражает реальную историю Советского государства. Несмотря на то, что использование сказочного кода характерно для русской прозы 1960-х годов (см. работу Т. Л. Рыбальченко) [14], заслугой В. Войновича является переосмысление традиционных фольклорных мотивов и элементов поэтики, что «дает им новый эстетический и реальный импульс» [16, с. 47-48], тем самым происходит трансформация элементов фольклорной сказки в художественную форму сказки литературной: «в своей работе Войнович отнюдь не копировал фольклорные образцы, а свободно творил, творчески развивая их глубокий смысловой потенциал» [Там же, с. 9].

Соединение жанра утопии и сказки обнаруживает Е. Ю. Зубарева в романе «Монументальная пропаганда» (2000): «Экспериментируя с разнородными жанровыми элементами, Войнович формирует сложную жанровую структуру, каждый компонент которой помогает ему решить определенную художественную задачу» [5, с. 86], при этом главным является изображение «*многослойной реальности*» советского и постсоветского российского государства.

Татьяна Бек подчеркивает, что в «Монументальной пропаганде» «монументален (точнее сказать: *масштабен*) сам писательский взгляд на исторический ход вещей. В центре повествования – важнейшие события, происходившие в России за последние сорок лет. Перед нами – самобытный и в высшей степени неожиданный художественно-сатирический (с элементами детектива, пародии и актуальной фельетонистики) срез *новой истории государства российского*» [3], а особая притягательность романа (по мнению Т. Бек, Иван Адреевич Крылов назвал бы его «шучо-трагедией») состоит «в органичном синтезе вечных российских тем и проклятых вопросов, с одной стороны, и с другой – самой что ни на есть жгуче современной сатиры на канувшую и вновь криво воцарившуюся явь» [Там же].

Евгения Щеглова предполагает, что в романе «Монументальная пропаганда» писатель подходит к «сложнейшей проблеме нашего времени» – «существование без советской власти. Без той власти, что давила человека семь десятилетий, которую можно было обманывать, с которой играли в весьма опасные игры, которую дружно ненавидели, которую втайне побаивались, но без которой жить оказалось страшно» [18]. Как считает Щеглова, «талантливому сатирику В. Войновичу сегодня трудно – как трудно массе других писателей, которые попросту растерялись. Вроде бы добились мы все вождельной всеми свободы, а что с ней делать – неизвестно. И где теперь, в отсутствие советской власти, таится враг – неизвестно тоже. Враг-то человеку нередко – он сам, его натура, его необузданные страсти, честолюбие, извечные человеческие пороки, а вовсе не массивная внешняя сила, именуемая тоталитарным государством» [Там же]. Критик акцентирует внимание, что Войнович растерялся в новых условиях, отсюда и «кончается роман неестественно – гибелью от страшной грозы почти всех его героев» [Там же].

Мы полагаем, что права Т. Бек, назвавшая роман «Монументальная пропаганда» «событием не только в литературной жизни, но и в области психологии, политологии, философии», ведь даже конец романа – образ опустевшего пьедестала – становится «серьезной метафорой, которая олицетворяет современный кризис в кумиротворении» [3].

Жанр негативной квазиутопии, с позиций которого могут быть рассмотрены произведения В. Н. Войновича, позволяет по-новому взглянуть на его творчество в целом. Без учета жанровых особенностей творчества как системы, имеющих явную тенденцию к синкретичным жанровым образованиям, реализованным в произведениях одного из самобытных современных писателей русской литературы, невозможно осмыслить и исследовать их проблематику и эстетический замысел.

Список литературы

1. **Авдонин В. В.** Поэтика анекдотического в романе В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» // Вестник ТГПУ. 2011. № 7. С. 159-164.
2. **Авдонин В. В.** Типология образа дурака в прозе В. Н. Войновича // Вестник ТГПУ. 2012. № 9 (124). С. 144-149.
3. **Бек Т.** Владимир Войнович и его герои [Электронный ресурс]. URL: http://lit.1september.ru/2000/24/no24_1.htm (дата обращения: 01.03.2013).
4. **Борода Е. В.** Художественные открытия Е. И. Замятина в контексте текстов русской литературы второй половины XX – начала XXI века: дисс. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2011. 338 с.
5. **Зубарева Е. Ю.** Миф, сказка, антиутопия: жанровые эксперименты в романе В. Н. Войновича «Монументальная пропаганда» и литературная традиция // Вестник ЦМО МГУ. 2011. № 4. С. 82-86.
6. **Копач Е. А.** Современная русская антиутопия (1980-2000-е годы): традиции и новаторство (проза): дисс. ... канд. филол. наук. Полтава, 2005. 223 с.
7. **Куличкин С.** Чисты перед народом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=133484> (дата обращения: 12.12.2012).
8. **Ованесян Е.** Где ищет почестей глумливое перо? О «похождениях» солдата Чонкина в СССР // Молодая гвардия. 1990. № 5. С. 272-288.
9. **Панков Ю.** Необычайные приключения живого классика [Электронный ресурс]. URL: www.sovsekretno.ru/magazines/article/3206 (дата обращения: 21.12.2012).
10. **Покотыло М. В.** Контаминации жанровых признаков в романе В. Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 1. С. 129-132.
11. **Покотыло М. В.** Роман В. Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»: специфика негативной квазиутопии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. Т. 1. Филология. С. 56-62.
12. **Пономарев Е.** От Чонкина до Чонкина [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ropom16.html> (дата обращения: 12.12.2012).
13. **Почта «Юности»** // Юность. 1990. № 5.
14. **Рыбальченко Т. Л.** Введение элементов сказочной поэтики в структуру повествования о современности как форма критики народного сознания в русской прозе 1960-х гг. // Вестник ТГУ. Филология. 2009. № 2 (6). С. 78-100.
15. **Филиппов В. В.** Как читать «Чонкина»? [Электронный ресурс]. URL: http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1207130760&archive=1207225892&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.10.2012).
16. **Чжан Чаон.** Проза Владимира Войновича: жанрово-поэтическое своеобразие: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 162 с.
17. **Шишкина С. Г.** У истоков литературной антиутопии: Джек Лондон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12. С. 148-151.
18. **Щеглова Е.** О солдате Чонкине, Аглае Ревкиной и других [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/sh17.html> (дата обращения: 12.12.2012).

GENRE SYNCRETISM IN CREATIVE WORKS OF V. VOINOVICH: ONTOLOGICAL STATUS AND ARTISTIC REALIZATION

Pokotylo Mikhail Valer'evich, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Communication Lines
mihail.pokotylo @ yandex.ru

The author reveals the features of various genres transformation in V. Voinovich's creative works, shows that negative quasi-utopia signs are genre syncretism dominant, and pays attention to the fact that writer's satirical fairy tales, short stories, narratives and novels constitute the system basing on the satire realization as a meaning- and plot-formative factor, and also by means of the actualization of symbolization, metaphorization and allegorization of narration.

Key words and phrases: anti-utopia; dystopia; genre syncretism; quasi-utopia; parody; satire; utopia.

УДК 81'23

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности категоризации пространства представителями селькупского и русского этносов, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента с тремя группами испытуемых: активно владеющих селькупским языком; пассивно владеющих селькупским языком; не владеющих селькупским языком представителей одного из миноритарных этносов Сибири.

Ключевые слова и фразы: ассоциативный эксперимент; вербальная реакция; категоризация; пространство; селькупский язык; русский язык.

Полякова Наталья Владимировна, к. филол. н.
Томский государственный педагогический университет
nataliapoliakova@yahoo.com

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА СЕЛЬКУПАМИ И РУССКИМИ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)[©]

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70601е/Т
«Экспедиционные этнолингвистические исследования языка и культуры селькупов Томской области».*

В современной лингвистической литературе имеется значительное количество работ, посвященных исследованию коренных малочисленных народов, что отнюдь не случайно. Согласно последним статистическим данным, с лица земли ежегодно исчезает 12 языков малочисленных групп населения.

Данные последних переписей населения свидетельствуют о том, что доля селькупов, для которых селькупский язык является родным, составляет менее 50%. Исследования, проведенные автором в районах проживания южных селькупов, дали еще более скромную цифру – лишь 11% селькупов считают селькупский язык родным, еще 9% считают родными селькупский и русский языки, для остальных 80% родным является русский язык.

Вместе с тем в современном мире наблюдается психологический сдвиг в настроениях людей – большой интерес к своим корням, к своим истокам. Рост этнической идентичности объясняется поиском ориентиров в нестабильном мире. Все больше людей, особенно молодых, склонны смотреть назад, вглубь, искать поддержку и защиту в непреходящих ценностях предков. При этом родной язык, история и культура этноса являются приоритетом, обеспечивающим этническое своеобразие, и выступают основой воспитания этническое самосознания и гражданской идентификации. Данная тенденция, отмечаемая учеными во многих странах мира, находит свое подтверждение и на территории проживания южных селькупов.

97% опрошенных селькупов считают целесообразным преподавание селькупского языка и хотели бы, чтобы их дети владели селькупским языком. 89% респондентов хотели бы владеть селькупским языком. 97% опрошенных считают себя селькупками, около 3% – русскими.

В лингвистической литературе часто указывают на связь между уровнем владения языком своей национальности и самоидентификацией того или иного этноса в целом и отдельного человека в частности. Исследователи под «языком» часто подразумевают лишь его структурные характеристики. Если подходить к исследованию южных диалектов селькупского языка именно с таких позиций, то тогда обнаруживается противоречие между процентным соотношением людей, владеющих селькупским языком, с одной стороны, и относящих себя к селькупам, с другой стороны. На выяснение данного противоречия и были направлены экспедиционные исследования автора.